

Codification of legislation or codification of law: statement of the problem

A. B. Ivanov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-594-607

Research article

Full text in Russian

The publication is devoted to the problem of choosing a formulation that most fully reveals the nature of legal codification. Basically, researchers write either about the codification of legislation or about the codification of law. A number of works also talk about the codification of legislative norms or legal norms. As a rule, «fluctuations» in doctrine are more noticeable at the branch level, when it is impossible to limit oneself to the word «codification» but it is necessary to also indicate the area being codified. The article shows that the differences in wording are due, firstly, to the different understanding by scholars of the subject (object) of codification, that is, what is subject to codification processing within the framework of a given legal practice. Secondly, the concepts of «codification» and «codification of legislation» themselves can be interpreted differently. If we see codification as a process of «law-systematizing law-making», then we should use the formulation «codification of law» («codification of legal norms», «legal codification»). It is precisely legal norms (law as a whole), and not legislation, that are the main subject of codification, selected from diverse and unorganized sources (forms) of law and other documents containing legal information. The subject of codification is not only legislative norms; it is much broader. The phrase «codification of legislation» in the sense of the subject of such activity is incorrect; its consolidation in doctrine and practice was due to a change in the meaning of the term «law» (from «legal norm» to «normative act»). If the term «codification» is considered not as a process (what we are codifying), but as a goal (what we are codifying for), then we are talking about improving legislation, not law, and the formulation «codification of legislation» will look quite correctly. It seems, however, that the formulation «codification of law», reflecting the subject of the activity, more fully reveals the essence of this type of legal systematization (selection of legal norms from numerous sources and their ordering in a new codified act). Legislation can be improved not only through codification. In general, it is proposed to proceed from the fact that it is the law that is codified, while legislation is improved (reformed) in the course of codification.

Keywords: systematization; codification; subject; object; result; legal science; legislation; law; codified act; legal norm

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanov, Artyom B. | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Кодификация законодательства или кодификация права: постановка проблемы

А. Б. Иванов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-594-607
УДК 340.136

Научная статья
Полный текст на русском языке

Публикация посвящена проблеме выбора формулировки, наиболее полно раскрывающей природу юридической кодификации. В основном исследователи пишут либо о кодификации законодательства, либо о кодификации права. В ряде работ говорится также о кодификации норм законодательства или норм права. Как правило, «колебания» доктрины больше заметны на отраслевом уровне, когда нельзя ограничиться только словом «кодификация», а требуется указать и кодифицируемую область. В статье показано, что расхождения в формулировках обусловлены, во-первых, различным пониманием учеными предмета (объекта) кодификации, то есть того, что подлежит кодификационной обработке в рамках данной юридической практики. Во-вторых, сами понятия «кодификация» и «кодификация законодательства» могут интерпретироваться неодинаково. Если в кодификации видеть процесс, «правосистематизирующее правотворчество», то следует использовать формулировку «кодификация права» («кодификация правовых норм», «правовая кодификация»). Именно правовые нормы (право как их совокупность), а не законодательство выступают главным предметом кодификации, отбираются из разнообразных и неупорядоченных источников (форм) права и иных содержащих юридическую информацию документов. Предмет кодификации – это не только нормы законодательства, он значительно шире. Фраза «кодификация законодательства» в смысле предмета такой деятельности является некорректной, ее закрепление в доктрине и практике было обусловлено изменением значения термина «закон» (с «нормы права» на «нормативный акт»). Если термин «кодификация» рассматривать не как процесс (что кодифицируем), а как цель (для чего кодифицируем), то тогда идет речь о совершенствовании уже законодательства, а не права, и формулировка «кодификация законодательства» будет вполне корректной. Представляется, однако, что формулировка «кодификация права», отражающая предмет деятельности, более полно раскрывает сущность данного вида юридической систематизации (отбор правовых норм из многочисленных источников и их упорядочение в новом кодифицированном акте). Совершенствовать же законодательство можно не только посредством кодификации. В целом предлагается исходить из того, что кодифицируется именно право, тогда как законодательство в ходе кодификации совершенствуется (реформируется).

Ключевые слова: систематизация; кодификация; предмет; объект; результат; юридическая наука; законодательство; закон; кодифицированный акт; право; норма права

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов, Артем Борисович | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, доцент

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Опыт научной и преподавательской деятельности в юридической области заставляет обратить внимание на отсутствие в профессиональной среде единообразного понимания того, что следует считать предметом (объектом) кодификационной практики. Расхождения в этом вопросе заметны в работах, затрагивающих как общетеоретические и исторические, так и отраслевые проблемы кодификации. Обычно предметом кодификационного воздействия называется либо законодательство, либо право. Также встречаются публикации, в которых пишется о кодификации правовых норм или норм законодательства. Интересно, что в наиболее крупном на сегодняшний день тематическом сборнике научных статей, изданном в 2009 г. по результатам Международной научно-практической конференции можно увидеть все четыре указанных варианта предмета кодификации [1, с. 26, 772, 834, 1012]. Хотя сами сборник и конференция, судя по их названиям, были нацелены только на рассмотрение и обсуждение проблем «кодификации законодательства». Однако можно ли с уверенностью утверждать, что приведенные наименования затрагивают именно предмет кодификационной практики, а не другие ее стороны? Исследуемый в статье вопрос преломляется и через научную биографию ее автора, который в 2012 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную историческим аспектам кодификации трудового законодательства России [2]. По прошествии времени представляется важным вернуться к наименованию диссертации с целью его перепроверки на предмет соответствия канонам теории кодификации.

Ретроспективный анализ отечественной правовой литературы показывает, что в дореволюционный (имперский) период в центре внимания доктрины была кодификация права [3–4]. В советский (социалистический) период кодифицируемым предметом чаще стало указываться законодательство [5–6] что в целом характерно и для современного (постсоветского) периода развития юридической науки [7–8]. Здесь можно обратить внимание и на государственную правовую политику, в рамках которой в связи с кодификацией говорится именно о законодательстве. Так, в настоящее время при Президенте РФ функционирует Совет по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства [9].

Вместе с тем и в советский, и в современный периоды публиковалось достаточно работ с указанием на кодификацию права, а не законодательства [10–11]. Таким образом, неопределенность в исследуемом вопросе имеет место, начиная с советской эпохи. Например, крупный отечественный ученый-трудовик И. С. Войтинский заявлял о необходимости «тщательно продуманной и авторитетной кодификации нашего трудового права» [12, с. 25]. Позднее не менее известный специалист в той же области – К. П. Горшенин констатировал, что «кодификация законодатель-

ства... – продукт определенной исторической эпохи, выражающий определенные классовые цели» [13, с. 20].

В 1957 г. на волне активизировавшихся в СССР кодификационных работ крупными научными и образовательными центрами страны были опубликованы сборники статей, посвященные теоретическим и практическим проблемам кодификации. Первый сборник, изданный в Москве под эгидой Академии наук СССР и Института права, получил наименование «Вопросы кодификации» [14]. Второй, опубликованный сотрудниками Свердловского юридического института, был назван «Вопросы кодификации советского законодательства» [15], а третий, вышедший в издательстве Ленинградского государственного университета, – «Вопросы кодификации советского права» [16]. Предмет исследования последних двух сборников, если исходить из их названий, нельзя признать тождественным.

При ознакомлении с публикациями по теме иногда создается впечатление, что авторы делают акцент лишь на слове «кодификация», в понимании которого у них нет существенных расхождений. Тогда как слово (словосочетание), указывающее на то, что кодифицируется, как бы отходит на второй план, ему не придается принципиального значения. Когда в юридической среде обсуждается, к примеру, разработка нового Семейного кодекса, для участников дискуссии по сути неважно, о чем пойдет речь – о кодификации семейного законодательства или о кодификации семейного права. Главное, что у всех есть примерное общее понимание того, что в рамках этой деятельности должно происходить. С научной же точки зрения обсуждение одного и того же события, явления или процесса с использованием разной терминологии по меньшей мере некорректно. Конечно, законодательство и право тесно связаны друг с другом, но это вовсе не слова-синонимы.

Иногда в публикациях формулировки «кодификация законодательства» и «кодификация права» просто чередуются, чтобы избежать тавтологии. Так, в середине 1960-х гг. крупный теоретик права С. С. Алексеев писал, что в СССР «проводится большая работа по кодификации советского права... Обновлены и кодифицированы уголовное и уголовно-процессуальное, гражданское и гражданское процессуальное законодательство; ведутся работы по кодификации трудового, семейного, земельного и других отраслей права» [17, с. 345]. Вряд ли можно согласиться с подходом данного исследователя, согласно которому сама кодификация затрагивает сферу права, а кодифицированным становится уже законодательство. Другой видный ученый-юрист С. А. Иванов, говоря о российском трудовом праве, отмечал, что, «поскольку его сердцевину всегда составляли кодексы, историю трудового права и проблемы современности целесообразно рассматривать в связи с его кодификацией». Однако уже в следующем предло-

жении автор констатировал: «за последние восемьдесят лет в России было проведено три кодификации законодательства о труде» [18, с. 36].

В последнее время в литературе можно встретить формулировки, носящие юридически нейтральный характер без указания на предмет кодификационной деятельности. К их числу, в частности, относятся «кодификация» и «юридическая (правовая) кодификация» [19, с. 247]. В целом такой подход допустим, однако применим он лишь в общетеоретическом контексте. Для отражения отраслевой составляющей кодификации невозможно обойтись без указания на предметную область. Важно еще помнить, что «кодификация» не только юридический термин (он, в частности, распространен в лингвистике) и поэтому должен употребляться в сочетании с иными словами, направляющими его в область права. Таким образом, в правовой доктрине есть актуальная проблема, связанная с использованием в увязке с кодификацией различных терминов в одинаковом контексте (право, законодательство, нормы права и нормы законодательства). Ее решение устранил отдельные противоречия в теории кодификации, улучшит понятийный аппарат юриспруденции, окажет позитивное влияние на практику кодификационной деятельности, позволит лучше разобраться в тонкостях права студентам средней и высшей школы.

Для того чтобы ответить на вопрос о смысле формулировок «кодификация законодательства», «кодификация права» и т. д. прежде всего важно раскрыть юридическую природу самого термина «кодификация». В юриспруденции этот термин используется в связи с исследованием проблем систематизации и законотворчества. При этом он может употребляться в разных значениях. Так, А. Л. Маковский называет «по меньшей мере» три его известных интерпретации: для обозначения *процесса работ* по кодификации права (1), как название *результата* этих работ, то есть как синоним слова «кодекс» (2), и в качестве общей характеристики значительного *этапа законопроектных работ*, завершившихся созданием кодекса (3) [11, с. 9]. Также доктриной кодификация определяется как «оптимальная форма совершенствования законодательства», «путь упорядоченного и сбалансированного развития законодательства» (4) [7, с. 6, 7]. В таком контексте можно говорить о «кодификации» и как о «реформе законодательства». Порой приведенные значения термина смешиваются, что осложняет проблему. К примеру, вот как пишет Л. В. Головкин: «Кодекс есть результат кодификации, а не наоборот. В России, к сожалению, данная аксиома понятна не всем, в силу чего многие кодексы... перестали быть кодификациями. Титул «кодекса» превратился в вопрос престижа. Кодификация представляет собой тяжелейший, кропотливый и подчас неблагодарный труд, в результате которого рождается кодекс» [20, с. 20]. Нетрудно заметить, что в этой фразе смешиваются значения кодификации как процесса работ

(«тяжелейший... труд») и как их результата («кодексы... перестали быть кодификациями»).

Использование термина «кодификация» в значении, тождественном слову «кодекс», едва ли можно считать целесообразным. Такая трактовка приведет к тому, что результат правовой реформы будет обозначаться двумя различными терминами – «кодекс» (точнее, «кодификационный» или «кодифицированный» акт¹) и «кодификация», и первое понятие станет подменяться вторым. Известно, что «издание кодекса... важная веха в развитии данной отрасли права, поскольку кодекс (а не кодификация. – А. И.) – это результат кодификации этой отрасли права» [17, с. 178–179]. Что касается понимания кодификации как «значительного этапа законопроектных работ», то оно видится чрезмерно узким, так как отражает лишь правотворческую природу этого феномена, оставляя без внимания его «правосистематизирующую» сторону. В данном контексте предпочтительнее рассматривать кодификацию не как этап законопроектных работ, а как этап в развитии законодательства, которое в итоге предстает в усовершенствованном (систематизированном и обновленном) виде.

Представляется, что сущность юридической кодификации в полной мере раскрывает ее понимание как процесса работ или деятельности (практики). В этом контексте кодификация является высшей формой (видом) юридической систематизации в определенной области правового регулирования, предполагающей коренную переработку и обновление нормативного материала с последующим его упорядочением в новом сводном законодательном акте. Кодификация считается одной из форм (видов) юридической систематизации наряду с учетом, консолидацией и инкорпорацией². В силу того что результат кодификации выражен в новом нормативном правовом (как правило, законодательном) акте, особенность данной формы (вида) юридической систематизации будет заключаться в ее правотворческой природе. Оправданно поэтому рассматривать кодификацию в качестве «правосистематизирующего правотворчества», то есть смешанного типа юридической практики [19, с. 247].

Определяя предмет кодификационной деятельности, следует сделать выбор в пользу права, а не законодательства. Другими словами, кодифицируется право, а совершенствуется в результате кодификации законодательство.

¹ В литературе для обозначения результата кодификации используются два термина: кодифицированный акт и кодификационный акт, что, конечно, неправильно. На практике, в силу сложившейся традиции, чаще говорят про «кодифицированный акт». По всей видимости, более точно природу юридической кодификации раскрывает второе название, ведь кодифицированным является право, а не законодательный акт.

² Наличие именно этих четырех видов (форм) юридической систематизации признается большинством ученых, хотя есть и другие точки зрения на данную проблему.

В научной литературе обращается внимание на неточность формулировки «систематизация законодательства», на ее широкое использование лишь в силу «традиционности». «В качестве предмета систематизации (упорядочения), – отмечает, например, В. А. Сивицкий, – указываются, как правило, нормативные правовые акты, однако необходимость в систематизации возникает, если из-за неупорядоченности в массиве нормативных правовых актов становится неудобным пользование правовыми нормами... Даже, если упорядочивается система правовых актов, все равно преследуется цель *обеспечить удобство пользования нормами*» [21, с. 748]. В полной мере данная позиция применима и к кодификации как одному из видов (форм) юридической систематизации.

«Всякая кодификация, – пишет французский ученый Р. Кабриак, – исходно представляет собой юридико-технический ответ на потребность в правовой определенности, порожденную кризисом источников права, связанных с их беспорядочным разрастанием, с трудностями постижения... разрозненных правовых норм, со стремительной законодательной инфляцией. Нагромождение правовых предписаний различной юридической природы... влечет за собой правовую неопределенность, с которой сперва сталкиваются попадающие в орбиту судопроизводства частные лица, а затем – правоприменители..., более *неспособные распутать клубок норм права*, дабы найти те, что подлежат применению в соответствующем деле» [22, с. 114, 115]. По словам Л. В. Головки, при кодификации неопределенность устраняется путем «приведения в единое целое рассеянных по разным источникам правовых норм» [20, с. 18].

Если обратиться к дореволюционной российской доктрине, то все ученые говорили именно о праве как предмете кодификационной деятельности. Так, Е. Н. Трубецкой, считал кодификацией «*обработку действующего права*» [23, с. 126], П. И. Люблинский рассматривал ее как «один из видов законодательной деятельности, состоящий в издании законов, систематизирующих... какую-либо часть *положительного права* страны» [24, с. 414], В. М. Нечаев видел в ней «законодательную деятельность, направленную на... систематическое объединение и выражение в виде общего закона *права страны* в целом его объеме или важнейших частях» [25, с. 537].

Даже в советский период многие авторы одновременно с использованием формулировки «кодификация законодательства» указывали на нормы права (нормативно-правовой материал, нормативные предписания) как на то, что представляет главный интерес для кодификатора. К примеру, предметом исследования К. П. Горшенина являлась «кодификация законодательства о труде», которую он называл «высшей формой систематизации законов и других нормативных актов, регулирующих трудовые отношения рабочих и служащих». Вместе с тем ученый писал о том, что во время кодификации происходит

поиск «оптимальных правовых норм для кодификационных актов», что из «*существующих законоположений*» происходит отбор, обработка, создаются новые нормы, восполняющие пробелы и развивающие правовое регулирование общественных отношений» [13, с. 7, 190]. Примечательно, что в ряде публикаций советского периода кодексы характеризовались как «своды основных систематизированных норм» [26, с. 188]. Таким образом, основным объектом внимания участников кодификации являются бессистемно «разбросанные» по различным источникам нормы права (нормативно-правовые предписания), которые следует привести «к общему знаменателю» – устранить коллизии и дублирование, отказаться от устаревших положений, восполнить пробелы и т. д. Именно нормы права, а не содержащее их законодательство и другие источники права подвергаются кодификационной обработке, являются основным предметом кодификации³. В этой связи с научной точки зрения правильно говорить о кодификации норм права (правовых) норм⁴. Так как право представляет собой совокупность (систему) правовых норм, то корректно будет указывать в качестве предмета кодификации и право в целом.

Возможно, законодательство стало ошибочно признаваться предметом кодификации при следующих обстоятельствах. До революции 1917 г. в юридической литературе термин «закон» зачастую употреблялся в значении, тождественном современному термину «правовая норма». «Под именем закона, – заключал Г. Ф. Шершеневич, – понимается норма права, исходящая непосредственно от государственной власти в установленном заранее порядке... прежде всего закон есть норма права, т.е. общее правило, рассчитанное на неограниченное число случаев» [27, с. 15]. Закон, констатировал Н. М. Коркунов, в широком смысле есть «всякая устанавливаемая органами государственной власти юридическая норма» [28, с. 362]. Поэтому когда результат кодификации – кодекс определялся как «систематизированное собрание законов» [24, с. 413] или как «систематический сборник законов» [25, с. 535], подразумевалось «собрание» именно правовых норм. «Кодексом, – писал Е. Н. Трубецкой, – является систематический сборник, в котором все приведено в полное согласие, и законы не только собраны, но и переработаны соответственно определенным началам, благодаря чему сборник составляет нечто логически целое» [23, с. 126]. Поэтому и когда речь шла о «кодификации законов» (к примеру, «военных законов»

³ По большому счету, предметом кодификации являются не только нормативно-правовые, но и иные правовые предписания, носящие нормативный характер (юридические решения, разъяснения и т. д.), которые закреплены в источниках (формах) права и других содержащих юридическую информацию документах (актах правоприменения, актах официального толкования и т. д.).

⁴ Одна из первых публикаций с указанием такого предмета кодификации (см.: Лопашенко Н. А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм. Саратов, 1989).

[25, с. 551]), имелось в виду упорядочение регулирующих соответствующие отношения норм права.

В советский период слово «закон» постепенно утратило значение нормы права и стало пониматься лишь как форма права – официальный акт-документ. Однако определенное время в него продолжал вкладываться и прежний смысл. Так, в учебнике по «Теории государства и права» за 1940 год закон рассматривался как «правовая норма, установленная высшим органом государственной власти», а кодекс – как «сборник законов по отдельным отраслям права» [29, с. 174, 179]. Совокупность «законов» (как законодательных актов) в советское время стало охватываться понятием «законодательство». Так в итоге и получилось, что наука и практика перешла от кодификации законов как правовых норм к кодификации законов как законодательства.

В этой связи показательно неудачное «изобретение» советских юристов – «кодекс законов» (КЗоТ, КЗАГС, КЗоБСО), просуществовавшее вплоть до 2002 года [30, с. 9–10]⁵. Фактически оно означало «кодекс правовых норм», на что указывать в названии было излишне (очевидно, что содержанием любого законодательного акта, в том числе и кодекса, будут являться правовые нормы). Интересно, что даже в 1960–1970-е гг. советский Кодекс законов о труде в ряде работ характеризовался как «систематизированный свод законов, регулирующий труд лиц, работавших по найму» и даже как «систематизированный сборник законодательства о труде» [26, с. 187], хотя кодекс по своей правовой природе не является ни «сводом законов», ни «сборником законодательства».

Можно также допустить, что в формулировке «кодификация законодательства» проявляется определяющее значение нормативных правовых актов как объектов кодификационной практики. Доктрина относит «законодательство» к внешней форме выражения объективного права и понимает под ним либо «совокупность действующих законов государства в целом или в пределах отдельных отраслей права» (узкое значение), либо «весь комплекс издаваемых уполномоченными правотворческими органами нормативных правовых актов» [31, с. 102, 103] (широкое значение).

Действительно, практика отечественной кодификации показывает, что юридической основой для нее выступают положения нормативных правовых актов. Данное обстоятельство обусловлено принадлежностью России к романо-германской (континентальной) правовой семье, где нормативный правовой акт является основным формально-юридическим источником (формой) права. Прежде всего кодификационной обработке подвергаются положения действующих кодексов и других законодательных актов. Так, участники второй кодификации трудового права прямо

⁵ В феврале 2002 г. в связи с началом действия Трудового кодекса РФ утратил силу Кодекс законов о труде РСФСР 1971 г.

указывали, что «Кодекс 1922 переработан из Кодекса 1918 г. и что он в своей основе сохранил то законодательство, которое было издано в первый – декларативный период» [32, с. 22]. Анализируя принятый в 2001 г. Трудовой кодекс РФ, А. М. Куренной обратил внимание на то, что в нем «революционных» норм «не так уж много, многие положения КЗоТа 1971 года, других законов, регулирующих трудовые отношения, полностью или частично инкорпорированы в ТК РФ» [33, с. 51]. Содержание принятой в 2008 г. части четвертой Гражданского кодекса РФ в основном базируется на положениях действовавших во время кодификации законов: «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», «Патентного закона», «Об авторском праве и смежных правах». А в публикациях данная кодификация оценивается как знаковое событие, «поразившее весь мир инкорпорацией всех специальных законов в сфере интеллектуальной собственности в Гражданский кодекс» [34, с. 45].

Между тем «монополизация» законодательства как объекта, а его норм как предмета кодификации противоречит правовой природе данной юридической практики, предполагающей обработку широкого спектра источников права и других носителей правовой информации. Не зря говорится, что «в кодификации воплощается мечта людей об идеальном праве» [22, с. 73]. Упрощенно поэтому трактовать кодификацию лишь как «создание из нескольких нормативных правовых актов одного нормативного правового акта» [21, с. 749].

Дореволюционный правовед Н. М. Коркунов отмечал, что, поскольку кодификация не ограничивается только изменением формы, но и обеспечивает систематическое объединение содержания, ее участники должны получить широкий простор для поиска и отбора актуальных положений. «Кодификатор, – писал исследователь, не ограничивается одним действующим в момент создания кодекса законодательством. Он может черпать материал и из обычного права, и из судебной практики, и из иностранного права, и из научной литературы» [28, с. 308]. В целом можно согласиться с точкой зрения, согласно которой предметом кодификации «может быть любой нормативный материал, даже не имеющий правового характера» [35].

Практика кодификации наглядно показывает широкий спектр источников, являвшихся ее объектами. Известно, что в окончательные варианты первых кодексов законов труде (1918 и 1922 гг.) были включены отдельные положения крупных коллективных договоров [36, с. 19–20]. При создании действующего ТК РФ кодифицировались отдельные положения конвенций и рекомендаций Международной организации труда. Так, нормы ч. 3 ст. 131 ТК РФ о запрете выплаты заработной платы в бонах, купонах, в форме долговых обязательств, расписок, а также в виде предметов, запрещенных к свободному обороту, были заимствованы из статей 3 и 4

Конвенции МОТ № 95 «Об охране заработной платы» (1949 г.). Рекомендация МОТ № 166 «О прекращении трудовых отношений по инициативе нанимателя» сыграла важную роль при кодификации положений, ограничивающих практику применения в России срочных трудовых договоров.

Правило ч. 2 ст. 35 КЗоТ 1971 г. о праве администрации расторгнуть трудовой договор не позднее одного месяца со дня получения согласия фабричного, заводского, местного комитета профсоюза было сформулировано первоначально в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 сентября 1967 г. [37, с. 39]. В другом постановлении Пленума данного судебного **органа** задолго до отражения в отраслевом кодексе был закреплен важный принцип уголовного процесса – презумпция невиновности⁶. Во время разработки действующего Уголовного кодекса РФ кодификатором была учтена правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом РФ в постановлении от 20 декабря 1995 г., в соответствии с которой как форму государственной измены (измены Родины) нельзя квалифицировать бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы, так как это противоречит положению Конституции РФ, закрепляющему право гражданина на свободный выезд за пределы России и на возвращение в Россию (ч. 2 ст. 27)⁷.

Правило о том, что первое заседание вновь избранного законодательного органа должен открывать старейший по возрасту депутат до его кодификации во время конституционной реформы начала 1990-х гг. действовало как правовой обычай. Юридическая доктрина, выступая генератором идей, вырабатывает положения, которые впоследствии могут быть закреплены в кодифицированном акте, становясь тем самым общеобязательными правилами поведения. Так, Л. С. Талем были сформулированы все главные положения теории трудового договора. Во всяком случае, две характерные особенности трудового договора, выделенные исследователем (личное выполнение работником работы, подчинение работника хозяйской власти работодателя), вошли в легальные определения трудового договора, закрепленные в КЗоТ 1922 г. (ст. 27), 1971 г. (ст. 15) и ТК РФ (ст. 56). Заслуга Л. С. Таля состоит и в том, что для обозначения сторон трудового договора он использовал термины «работник» и «работодатель», к которым российское законодательство пришло только в конце XX в. [38, с. 14].

Таким образом, если говорить о кодификации как о деятельности, то формулировка «кодификация законодательства» будет искажать сущность этой юридической практики, предполагающей обработку не только

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.06.1978 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // СПС «Консультант-Плюс».

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений п. «а» ст. 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова» // Российская газета. 1996. 18 янв.

нормативных правовых актов, но и других объектов – «носителей» правовой информации.

В целом ответ на вопрос о правильности выбора между формулировками «кодификация законодательства» и «кодификация права» будет зависеть от того, какой смысл вкладывается в сам термин «кодификация». Полагаем, что следует указывать «право» (правовые нормы) если трактовать его в контексте того, «что кодифицируется», «кодификация чего» осуществляется. То есть если идет речь о предмете кодификации и работе с ним. Ведь кодифицируется именно право как совокупность правовых норм, а не законодательные акты, именно право является основным предметом кодификационной обработки. Если понимать термин в контексте того, «что есть кодификация» (реформа, усовершенствование и т. д.), «какова цель кодификации», то необходимо использовать термин «законодательство», так как именно оно реформируется (совершенствуется), а не право. Представляется, что формулировка «кодификация права», отражающая предмет деятельности, более точно показывает сущность данного вида (формы) юридической систематизации (отбор правовых норм из неупорядоченных многочисленных источников, их согласование, обновление и закрепление в новом кодифицированном акте). Совершенствовать же законодательство можно не только посредством кодификации. Чтобы преодолеть неопределенность при использовании слова «кодификация» в увязке с указанными выше терминами, возможно, следует заменить формулировку «кодификация законодательства» на «реформу законодательства» («совершенствование законодательства»), в рамках которой уже осуществляется «кодификация права».

Ссылки

1. Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года) / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. 1100 с.
2. Иванов А. Б. Кодификация советского трудового законодательства в 20-е годы XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 196 с.
3. Пахман С. В. История кодификации гражданского права: в 2 т. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1876. Т. 1. 472 с.
4. Шершеневич Г. Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань: Типография императорского университета, 1898. 128 с.
5. Васильев Ю. С., Евтеев М. П. Кодификация и систематизация законодательства // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 11–19.

6. Развитие кодификации советского законодательства / отв. ред. С. Н. Братусь. М.: Юрид. лит. 1968. 247 с.
7. Рахманина Т. Н. Кодификация законодательства. М.: Юристъ, 2005. 141 с.
8. Ящук Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период: монография. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. 414 с.
9. Положение о Совете при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (утв. Указом Президента РФ от 05.10.1999 (с изм. и доп.)) // СЗ РФ. 1999. № 41, ст. 4904.
10. Коренев А. П. Кодификация советского административного права. Теоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1970. 134 с.
11. Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010. 736 с.
12. Войтинский И. С. Проект нового Кодекса законов о труде // Власть Советов. 1922. № 7-9. С. 5–14.
13. Горшенин К. П. Кодификация законодательства о труде. Теоретические вопросы. М.: Юрид. лит., 1967. 224 с.
14. Вопросы кодификации: сб. науч. ст. / отв. ред. В. М. Чхиквадзе, А. Н. Иодковский. М.: Госюриздат, 1957. 245 с.
15. Вопросы кодификации советского законодательства: сборник статей. Свердловск: б/и, 1957. 214 с.
16. Вопросы кодификации советского права: сб. статей. Вып. 1 / отв. ред. Д. С. Керимов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 120 с.
17. Энциклопедический словарь правовых знаний (советское право) / гл. ред. В. М. Чхиквадзе. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1965. 512 с.
18. Иванов С. А. Российское трудовое право: история и современность // Государство и право. 1999. № 5. С. 36–45.
19. Карташов В. Н. Теория государства и права: учебник. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 360 с.
20. Головкин Л. В. Вступительная статья // Кабриак Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. С. 8–27.
21. Юридическая техника: курс лекций / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. 830 с.
22. Кабриак Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. 476 с.
23. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Едиториал УРСС, 2019 (репринт издания 1917 г.). 232 с.
24. Люблинский П. И. Кодификация // Энциклопедический словарь / под ред. Ю. С. Гамбарова, С. А. Муромцева [и др.] М.: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К^о», 1914. Т. 24. С. 413–432.

25. Нечаев В. М. Кодификация // Энциклопедический словарь: в 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. Т. XV-а. С. 535–551.
26. Трудовое право. Энциклопедический словарь / гл. ред. С. А. Иванов. 3-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 592 с.
27. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. колледж МГУ, 1995 (репринт издания 1912 г.). Т. 2. 362 с.
28. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004 (репринт издания 1914 г.). 430 с.
29. Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М.: Юрид. лит., 1940. 304 с.
30. Иванов А. Б. Почему Кодекс законов о труде, а не Трудовой кодекс: к вопросу о форме и наименовании советских трудовых кодифицированных актов // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14, № 1. С. 6–13. DOI 10.18255/2306-5648-2024-1-6-13
31. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. М.: Советская энциклопедия, 1984. 415 с.
32. Шмидт В. В. Советское трудовое законодательство и очередные задачи нашей трудовой политики // Вопросы труда. 1925. № 7-8. С. 21–32.
33. Куренной А. М. Трудовой кодекс Российской Федерации: преемственность и новизна // Законодательство. 2002. № 2. С. 46–53.
34. Еременко В. И. Завершение кодификации гражданского законодательства РФ // Государство и право. 2007. № 10. С. 44–55.
35. Щелокаева Т. А. Сколько нужно кодексов России? // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 4. С. 102–108.
36. Горшенин К. П. 40-летие первого советского кодекса законов о труде // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 16–25.
37. Симорот З. К., Монастырский Е. А. Проблемы кодификации законодательства Союза ССР и Союзных республик о труде. Киев: Наукова думка, 1977. 432 с.
38. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 178 с.